

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой
"Фолиант" №18 МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»
rossinskiye@gmail.com

Максим Горький: Цена возвращения

Литературно-историческое расследование по книге
Павла Басинского «Страсти по Максиму» к 16 марта 20... года –
1... летию со дня рождения советского писателя

«Уже и лирически настроенные гуманитарии поняли, что "человеколюбие», «милосердие», «великодушие» и прочие чувства, коими двуногие хищники пытались прикрыть волчью свою «натуру», - эти чувства неприменимы в действительности».
М. Горький.

Что мы знаем о Максиме Горьком, одном из ведущих российских писателей? Что родился он, Алексей Пешков, в Нижнем Новгороде 16(28) марта 1868 года. Что в 17 лет ушел из дома навсегда, а в 1892 году впервые выступил в печати с рассказом **«Макар Чудра»**. Что осенью 1905 года вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, а в 1921 году уехал из советской России. Что в 1932-м вернулся, а, спустя четыре года, 18 июня 1936 года умер, и это стало поводом для репрессии врачей.

Почему уехал, понятно - был обозлен на коммунистов, на их жестокость в ходе революции...

Но шли годы. И его возвращение стало одной из самых главных задач нового руководства страны. Когда советских писателей стали выпускать за границу, почти каждый из них считал святым долгом посетить отшельника в Италии выразить свое почтение и привезти с родины общий поклон. Напомнить, что его ждут, ему всегда рады и его место там, а не здесь.

И уже эти писательские командировки с непременно заездом к Горькому в Сорренто тоже были частью политики Сталина, направленной на его возвращение в СССР. Горькому давали понять: смотрите, как свободно разгуливает по Европе **Всеволод Иванов**, бывший сибирский типографский наборщик, а ныне знаменитый советский писатель. Разве это не свобода, Алексей Максимович? Не торжество народной культуры, о которой вы мечтали?

Список советских писателей, которые посетили Горького в Сорренто, впечатляет: Толстой, Форш, Леонов, Иванов, Маршак, Гладков, Афиногенов, Никулин, Бабель, Лидин, Кин, Катаев, Веселый, Асеев, Коган, Жаров, Безыменский, Уткин и другие...

И все же Горький колебался. Деятель по натуре, он не мог заниматься чистым творчеством. Начатый в Сорренто **«Клим Самгин»** грозил стать безразмерным. К тому же Горький всегда умел сочетать творчество и деятельность. Так что не только сына Максима с женой, но и его самого тянуло в СССР. Однако он понимал, что цена слишком дорога. Почему Горький колебался? И почему советское правительство было кровно заинтересовано в его возвращении на родину?

Давайте, почитаем литературу о Горьком и попробуем в этом разобраться вместе с читателями библиотеки "Фолиант" МБУК ТБК и членами ее Литературного клуба "Прикосновение".

Как понять, кто друг? Кто враг?

Кто первый пригласил Горького? Как ни странно, это был все тот же **Григорий Зиновьев**, на кого Горький был более всего зол, уезжая.

Уже в июле 1923 года Зиновьев, как ни в чем не бывало, пишет Горькому в Берлин: *«Пишу под впечатлением сегодняшнего разговора с приехавшим из Берлина Рыковым».*

Еще раньше Зорин мне говорил, что Вы считаете, что после заболевания В. И-ча у Вас нет больше друзей среди нас. Это совсем, совсем не так, Алексей Максимович. ...Весть о Вашем нездоровье тревожила каждого из нас чрезвычайно. Не довольно ли Вам сидеть в сырых местах под Берлином? Если нельзя в Италию ... - тогда лучше всего в Крым или на Кавказ. А, подлечившись, - в Питер. Вы не узнаете Петрограда. Вы убедитесь, что не зря терпели питерцы в тяжелые годы. Я знаю, что вы любите Петроград и будете рады увидеть улучшения.

Если Вы будете в принципе за это предложение, то Стомоняков (или Н. Н. Крестинский) все устроит. Дела хороши. Подъем - вне сомнения. Только с Ильичом беда».

К, письму Зиновьева сделана приписка рукой **Бухарина**: «Дорогой Алексей Максимович! Я Вам уже давно посылал письмо, но ответа не получил. С тех пор у нас основная линия на улучшение проступила до того ясно, что Вы бы «взвились» и взяли самые оптимистические ноты. Только вот огромное несчастье с Ильичом. Но все стоит на прочных рельсах, уверяю Вас, на гораздо более прочных, чем в гнилой Центральной Европе. Центр жизни (а не хныканья) у нас. Сами увидите! Насколько было бы лучше, если бы Вы не торчали среди говенников, а приезжали бы к нам. Жить здесь в тысячу раз радостнее и веселее! Крепко обнимаю, Бухарин».

Два члена ЦК приглашают Горького в Россию. Это через год после его гневного письма к Рыкову по поводу суда над эсерами, которое Ленин назвал «поганым». В любом случае столь ответственное приглашение они не могли написать без коллективного решения партийной верхушки. А в ней, начиная с болезни Ленина, все больше и больше укреплялся Сталин, постепенно сосредоточивая в своих руках неограниченную власть. Даже телеграммы о смерти Ленина «губкомам, обкомам, национальным ЦК» были отправлены за подписью «Секретарь ЦК И. Сталин».

Вот факт, опрокидывающий классические представления об отношениях Горького с Лениным и Сталиным. Горький в разговоре с **А. И. Рыковым** в Берлине жалуется, что, кроме Ленина, друзей в верхушке партии у него не осталось. А между тем его приглашают вернуться обратно в Россию именно тогда, когда Ильич настолько болен, что отошел от дел, и власть переходит к Сталину.

Кто же был истинным другом Горького?

Ситуация была слишком запутанной. Встреча Рыкова с Горьким в Берлине и откровенная беседа между ними вне досягаемости «уха» ГПУ - это один факт. Приглашение Горького в СССР его врагом Зиновьевым и Бухариным - другой. Верить в искренность письма Зиновьева можно с большой натяжкой, помня о том, что Горький жаловался на Зиновьева Ленину, и тот был вынужден устроить «третейский суд» на квартире Е. П. Пешковой с участием Троцкого, суд, на котором у Зиновьева случился сердечный припадок.

Но факт остается фактом: Горького позвали, когда Ильич отошел от дел, а Сталин к ним приближался. И Горький, переговоривший с Рыковым в Берлине, это прекрасно знал.

Жалобы Горького Рыкову тоже весьма интересны. Возможно, таким образом Горький зондировал почву для возвращения, как бы намекая большевистской верхушке, что о нем забыли. Дело в том, что Горький мечтал поехать в Италию, но именно туда до 1924 года его не пускали итальянские власти из-за «политической неблагонадежности», проще говоря, из-за связей с коммунистами.

В Берлине же, одном из центров русской эмиграции, Горький чувствовал себя неуютно. Тем более невозможно было для него жить в Париже, другом эмигрантском центре, еще более сурово настроенном против Горького. И вообще, в «сырой», «гнилой» Центральной Европе ему не нравилось.

Другое дело - Капри, Неаполь! Там, кроме России, была прописана его душа. Когда итальянская виза была все-таки получена, вопрос о поездке в СССР отпал на неопределенное время. На Капри **Муссолини** его не пустил. Но и в Сорренто было хорошо!

Что выбрать?

С 1923 по 1928 год Горького методично обрабатывают с целью возвращения. Для Страны Советов Горький - это серьезный международный козырь. Вариант возвращения постоянно держится Горьким в голове и обсуждается семьей. Но он не торопится. На эпистолярные предложения о хотя бы ознакомительной поездке в СССР отвечает вежливым молчанием. Ждет. Присматривается.

Вообразите две чаши весов. На одной чаше - культурные достижения СССР, частью мнимые, но частью и действительные, как, например, расцвет советской литературы, возникновение новых литературных журналов взамен закрытых старых - *«Красная новь»*, *«Молодая гвардия»*, *«Новый мир»*, *«Октябрь»*, *«Сибирские огни»* и др.

На этой же чаше весов - отсутствие перспективы получения Нобелевской премии и злоба эмиграции, доходящая до абсурда. **Бунин** открыто матерится в его адрес на эмигрантских собраниях.

Здесь же Бенито Муссолини, не испытывающий уважения к Горькому и не выгоняющий его из Италии только потому, что пока еще вынужден считаться с мировым общественным мнением. Здесь же подлинная тоска по России, по Волге, по русским лицам. Здесь же интересы сына Максима, которого Горький очень любил. Здесь же финансовые затруднения, все более и более досадные.

На другой чаше весов - понимание того, что, как ни крути, а речь идет о продаже. Горький слишком хорошо знал природу большевистского строя и как человек умный и зоркий не мог не понимать, что свободы в СССР ему не дадут. Цена возвращения - отказ от еретичества. Можно быть еретиком в эмиграции, но в СССР быть еретиком невозможно. Разве что на Соловках.

На этой же чаше весов и непонятный Горькому характер Сталина. Во время встреч с Рыковым в 1923 году и в переписке с ним, а также во время встречи с Каменевым в Сорренто в конце 20-х между ними и Горьким, несомненно, шел разговор о Сталине.

Часть писем Рыкова, Каменева и Бухарина Горький, возвращаясь в СССР, оставил вместе с частью своего архива **М. И. Будберг**, жившей в Лондоне. Эту часть архива вместе с письмами Рыкова и Бухарина Сталин впоследствии страстно возжелал получить и, по всей видимости, получил от Будберг.

Сталин как человеческий тип не мог нравиться Горькому. От Сталина разило восточной деспотией, а Горький был интеллигент, «западник». Но Сталин ценил литературу и в отличие от Ленина не отсекал Горького, а, напротив, заманивал. Это хотя и льстило, но настораживало. Тем самым облегчало груз на второй чаше весов.

На эту же чашу весов давил продолжающийся в стране террор, уже не такой наглый и откровенный, как в первые годы революции, но ничуть не менее страшный. И пожалуй, более масштабный. Разорение деревни ради «индустриализации». Процессы над «вредителями». Планомерное истребление всяческой «оппозиции».

Только Сталин в отличие от Ленина не бежал с утра в женеvскую библиотеку, чтобы собирать материал для книги «Материализм и эмпириокритицизм». Сталин расправлялся с оппозиционерами физически. Впрочем, старых большевиков Сталин пока не трогал. Он сделает это немедленно после смерти Горького.

А пока в 1927 году внезапно исключается из партии **Лев Каменев**, наиболее культурно близкий Горькому человек из большевистской верхушки. Еще раньше, в 1925 году, он был объявлен одним из организаторов «новой оппозиции», в 1926 году выведен из Политбюро.

Казалось бы, это очень весомый груз на второй чаше весов. Но здесь-то и проявилась хитрость Сталина, которой Горький не разгадал. Сталин сделал так, что его борьба с оппозицией и выдавливание старых большевиков из властной верхушки послужили как раз в пользу возвращения Горького. Восточный деспот легко карает, но и легко милует.

В 1928 году, когда Горький первый раз приехал в СССР, Лев Каменев был восстановлен в партии. В 1932 году его снова исключили и отправили в ссылку, как в царское время. Но в 1933 году благодаря заступничеству Горького Каменева вернули в Москву и сделали директором издательства «Академия», созданного по желанию Горького.

Шахматные игры

Сталин безупречен в исполнении просьб Горького. Он не называет, как Ильич, эти просьбы «пустяками» и «зряшной суетней». Неожиданные на первый взгляд взлеты и падения **Томского**, Бухарина, **Радека** объясняются именно хитрой сталинской игрой, в которую, как король в шахматах (самая слабая, но самая важная фигура), был втянут Горький. Сталин использовал его, а Горький думал, что обыгрывал Сталина.

Видный советский чиновник, один из создателей Союза писателей, автор термина «социалистический реализм», **И. М. Тройский** потом вспоминал: *«Сталин делал вид, что соглашается с Горьким. Он вводил в заблуждение не только его, но и многих других людей, куда более опытных в политике, чем Алексей Максимович. По настоянию Горького Бухарин был назначен заведующим отделом научно-технической пропаганды ВСНХ СССР, затем - главным редактором газеты «Известия», а Каменев - директором издательства «Академия».* После смерти Горького обоих казнили.

Свой шестидесятилетний юбилей в марте 1928 года Горький отмечал за границей. Его чествовали писатели всего мира. Поздравительные послания пришли от **Стефана Цвейга**, **Лиона Фейхтвангера**, **Томаса и Генриха Маннов**, **Герберта Уэллса**, **Джона Голсуорси**, **Сельмы Лагерлеф**, **Шервуда Андерсона**, **Элтона Синклера** и других. И в то же время во многих городах и селах Советского Союза точно по мановению волшебной палочки открылись выставки, посвященные жизни и творчеству Горького, состоялись лекции и доклады, шли спектакли и концерты, посвященные юбилею *«всенародно любимого писателя».*

20 мая в Риме Горький встречается с **Федором Шаляпиным** и безрезультатно уговаривает его ехать в СССР. 26 мая в 6 часов вечера из Берлина он поездом выезжает в Москву. В 10 часов вечера 28 мая он сходит на перрон станции Негорелое, где для него уже организован митинг. Горький вернулся. Но «условно».

Одним из главных условий соглашения между Горьким и Сталиным был беспрепятственный выезд в Европу и возможность жить в Сорренто зиму и осень. В 1930 году Горький даже не приехал в СССР по состоянию здоровья.

За год до приезда в СССР

В ночь с 22 на 23 июля 1930 года, находясь в Сорренто, Горький оказался хотя и не в эпицентре, но и недалеко от одного из крупнейших землетрясений в Италии, сравнимого по масштабам с предыдущим землетрясением в Мессине, унесшим свыше тридцати тысяч жизней. Он ярко описал эту трагедию в письме к Груздеву:

«Вилланова - горный древний городок - рассыпался в мусор, скатился с горы и образовал у подножия ее кучу хлама высотой в 25 метров. Верхние дома падали на нижние, сметая их с горы, и от 4 тысяч жителей осталось около двухсот. Так же в Монте

Кальво, Ариано ди Пулья и целом ряде более мелких коммун.

Сегодня официальные цифры: убито 3 700, ранено -14 тысяч, без крова - миллион. Но - это цифры для того, чтобы не создавать паники среди иностранцев.

В одной коммуне жители бросились в церковь, а она - обрушилась, когда в нее набилось около 300 человек. Все это продолжалось только 47 секунд. Страшна была паника. Ночь, половина второго, душно, необыкновенная тишина, какой не бывает нигде,

т.е. - я нигде ее не наблюдал. И вдруг земля тихонько пошевелилась, загудела, встряхнулись деревья, проснулись птицы, из домов по соседству с нами начали выскакивать полуголые крестьяне, зазвонили колокола; колокола здесь мелкие, звук у них сухой, жестяной, истерический; ночной этот звон никогда не забудешь.

Воют собаки. На площади Сорренто стоят люди, все - на коленях, над ними - белая статуя Торквато Тассо и неуклюжая, серая - Сант-Антонине, аббата. Людей - тысячи три, все бормочут молитвы, режут дети, плачут женщины, суется черные фигуры попов, но - все это не очень шумно, - понимаете?

Не очень, ибо все ждут нового удара, все смотрят безумными глазами друг на друга, и каждый хлопок двери делает шум еще тише. Это - момент потрясающий, неопишимо жуткий. Еще и теперь многие боятся спать в домах. Многие сошли с ума.

Несчастливая страна, все хуже живет ее народу, и становится он все сумрачнее и злей. А вместе с этим вчера, в день св. Анны, в Сорренто сожгли фейерверк в 16 тысяч лир, хотя в стране объявлен траур».

Это страшное событие произошло за год до переезда Горького в СССР.

Под домашним арестом

В 1931 году он «как бы» вернулся окончательно, но на том же условии свободного выезда в Италию. Сталин соблюдал его до 1934 года, пока окончательно не понял, что использовать Горького в полной мере не удастся. С другой стороны, Горький понял политику Сталина в отношении себя и оппозиции. И тогда Горького «заперли» в СССР. Фактически посадили под домашний арест.

Горький - в золотой клетке. Он мечется, однако старается убедить себя и других, что все в полном порядке. Но **Л. А. Спиридонова** в книге *«Горький: новый взгляд»* приводит документ, обойти который, как это ни грустно, нельзя.

Секретный лист хозяйственных расходов 2-го отделения АХУ НКВД *«по линии Горки-10»*. По данному объекту обслуживалось три точки: дом отдыха Горки-10, Мал. Никитская, дом в Крыму «Тессели».

Каждый год в этих домах производились большие ремонты, тратилось много денег на благоустройство парков и посадку цветов, был большой штат обслуживающего персонала, менялась и добавлялась мебель и посуда. Что касается снабжения продуктами, то все давалось без ограничений.

Примерный расход за 9 месяцев 1936 г. следующий:

- а) продовольствие руб. 560 000
  - б) ремонтные расходы и парковые расходы руб. 210 000
  - в) содержание штата руб. 180 000
  - г) разные хоз. расходы руб. 60 000
- Итого: руб. 1 010 000

Кроме того, в 1936 г. куплена, капитально отремонтирована и обставлена мебелью дача в деревне Жуковка № 75 для Надежды Алексеевны, невестки Горького. В общей сложности это стоило 160 000 руб.

Для справки: рядовой врач получал в то время около 300 рублей в месяц. Писатель за книгу - 3000 рублей. Годовой бюджет семьи **Ильи Груздева**, первого биографа Горького, составлял около 4000 рублей. Семья Горького в 1936 году обходилась государству примерно в 130 000 рублей в месяц...

Горький не мог не понимать всю ложность своего положения, явившегося печальным следствием его невыносимо запутанной жизни, его великих творческих замыслов и до конца так и не понятых людьми духовных исканий.

Но в результате этих исканий оказалось погребенным самое ценное и труднообъяснимое в мировоззрении Горького - его великая идея Человека, разменянная в конце его жизни на множество пострадавших да и просто загубленных конкретных людей.

Литература:

1. Горький М. Собрание сочинений в двадцати двух томах.- Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1933.
2. Горький М. Избранные литературно-критические произведения.- Москва: Детгиз, 1951г. - 352 с.
3. Горький М. Город Желтого Дьявола.- Москва: Красный Север, 1949.
4. Горький М. Книга о русских людях.- Москва: Вагриус, 2000.
5. Горький М. Мать. - Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947.
6. Горький М. Несвоевременные мысли. - Москва: Издание Союза Журналистов СССР, Ассоциация «Ротация», 1990.
7. Горький М. Старуха Изергиль. На дне. Мать. В. И. Ленин. - Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957- 366 с.

О нем:

1. **Басинский П.** Страсти по Максиму: Девять дней после смерти.- М, АСТ: АСТРЕЛЬ, 2011.
2. Горький. Возвращение Максима: Из книги Павла Басинского «Страсти по Максиму: Девять дней после смерти» (М, АСТ: АСТРЕЛЬ, 2011)// Имена. - 2011.- №9.- Стр. 94-101.
3. **Максимов П. Х.** Воспоминания о Горьком/ Павел Хрисанфович Максимов.- Изд. 3-е, испр. и доп.- М.: Советский писатель, 1956.
4. **Шулятиков В.М.** О Максиме Горьком/Владимир Михайлович Шулятиков// Курьер.- 1901.- № 222, 236 .